

ты-Мансийск / отв. ред. Н.М. Чаиркина; Правительство ХМАО – Югры; Ин-т истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; Ин-т археологии и этнографии СО РАН; Ин-т археологии РАН. Екатеринбург, 2015. С. 132–151.

50. Knutsson K., Knutsson H. The structure of the pioneer settlement of Scandinavia. The origin of long lived social territories // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене: докл. междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения В.И. Тимофеева. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 135–139.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проекты 15-06-05548 «Последние пионеры Европы: формирование социально-культурных общностей в регионе Финского залива в условиях природных изменений раннего – среднего голоцена»; 15-05-08169 «Развитие береговых морфосистем юго-восточной части Финского залива в ходе дегляциации и трансгрессивно-регрессивных колебаний уровня послеледниковых водоемов».

Работа М.А. Холкиной по картографированию ареалов распространения керамики была выполнена при поддержке РФФИ проект 17-77-20041.

FORMATION OF SOCIAL-CULTURAL UNITS IN THE GULF OF FINLAND REGION IN CHANGING EARLY AND MIDDLE HOLOCENE ENVIRONMENT

© 2017

Gerasimov Dmitriy Vladimirovich, candidate of historical sciences, researcher of Archaeology Department
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)

Kholkina Margarita Alekseevna, researcher
Research center «Actual Archaeology» (Saint Petersburg, Russian Federation)

Abstract. Stone Age archaeological material from the eastern part of the Gulf of Finland region are evident of presence here a stable border between cultural areas from the Late Mesolithic till the end of Neolithic. Differences between those areas are mostly become apparent in the certain categories of archaeological finds – first of all in pottery (Sperrings, Narva and Late Neolithic types) as well as in decorations and mobile art. The border survives through millennia though sufficient cultural transformations in material culture developed during that time in the region. The border could arise in the Late Mesolithic, in the 7th – middle of the 6th ca. BC. Hypothetically its arising could be related to appearance of new people in the region, and possibly with the «8200 cal. BP climatic event». The border is visible in archaeological material till the mass migration of the Corded Ware culture people in the region about the turn of 4th and 3d ca. BC. The phenomenon of the Typical Combed Ware culture that existed in the region from the end of 5th till the second half of the 4th ca. BC probably was not related to the new people coming but can reflect integration of the aborigine population in response to some outer (socio-cultural?) factors.

Keywords: Gulf of Finland; Ladoga Lake region; archaeology; archaeological culture; migrations; Late Mesolithic; Neolithic; pottery; Sperrings Ware; Narva Ware; Typical Comb Ware; Uskela Ware; Asbestos Ware; Late Comb Ware; Corded Ware; social networks; cultural areas; border; social-cultural units.

УДК 911/902

Статья поступила в редакцию 28.04.2017

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ БЕРЕЗОВОСЛОБОДСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА НА НИЖНЕЙ СУХОНЕ

© 2017

Иванищева Марина Викторовна, научный сотрудник
Учреждение культуры «Вологодареставрация» (г. Вологда, Российская Федерация)
Кулькова Марианна Алексеевна, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры географии
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванищева Елизавета Александровна, кандидат биологических наук, доцент кафедры географии
Вологодский государственный университет (г. Вологда, Российская Федерация)

Аннотация. В статье представлены результаты комплексных исследований участка компактного расположения археологических памятников, включающих разновременные стоянки и поселения на ключевом участке Березовая Слободка в бассейне Нижней Сухоны (восточная часть Вологодской области). В ходе ландшафтных исследований уточнена геоморфология участка, определены приуроченность разновременных стоянок к различным элементам рельефа и приоритетные факторы предпочтений древнего расселения. Ландшафтные исследования зоны ближнего жизнеобеспечения древнего населения показали, что относительно безопасное размещение и обеспечение разнообразными хозяйственными угодьями и природными ресурсами древнего населения определялось сложностью и высоким разнообразием ландшафтной структуры, сформировавшейся на стыке долинно-склоновых комплексов Сухоны и впадающей в Сухону Уфтьюги. Геохимические исследования аллювиально-почвенных отложений на многослойном поселении Березовая Слободка II–III, вмещающих культурные слои от эпохи финального палеолита до раннего железного века, позволили охарактеризовать климатические условия формирования культурных горизонтов, оценить периоды древнего антропогенного влияния и сделать выводы о характере водоема и периодах формирования речных

террас. Радиоуглеродные определения и данные относительной датировки для объектов и комплексов различных культурных слоев дают представление об этапах освоения древних ландшафтов населением в позднем плейстоцене-голоцене, векторы связей которого определялись гидродинамикой водоема.

Ключевые слова: комплекс археологических памятников; Нижняя Сухона; ландшафтная структура; многослойное поселение Березовая Слободка II–III; финальный палеолит; мезолит; неолит; энеолит; эпоха бронзы; ранний железный век; геохимия культурных отложений; археологические объекты и комплексы; радиоуглеродная датировка; гидродинамика водоема; этапы освоения; поздний плейстоцен-голоцен; векторы связей.

В нижнем течении Сухоны насыщенностью археологическими памятниками выделяется участок при впадении крупного левого притока – р. Уфтьюги (рис. 1). Комплекс археологических памятников расположен на левобережье Сухоны в 0,75–1,5 км от д. Березовая Слободка Нюксенского района Вологодской области.

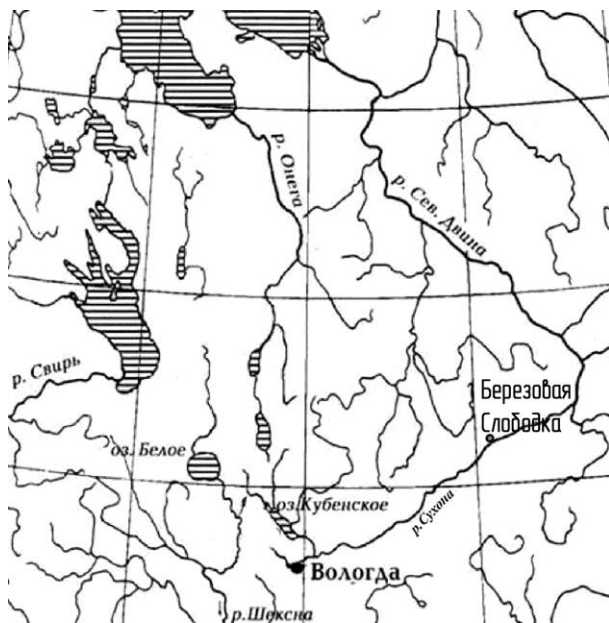

Рисунок 1 – Место расположения Березовослободского археологического комплекса

Первые сборы археологического материала у д. Березовая Слободка были произведены М.Я. Рудинским в 1941 году, открывшим ряд пунктов с каменным инвентарем на Нижней Сухоне, часть местонахождений позднее была отнесена к палеолитическому времени [1]. В 1977 году С.В. Ошибкиной была документирована мезолитическая стоянка в д. Березовая Слободка, расположенная на левом берегу р. Уфтьюги. Семь стоянок и поселений в правобережье притока открыты М.В. Иванищевой в 1988 году и исследовались шурфами и раскопками в 1990–2000 годы. Русло и долина Сухоны на участке расположения Березовослободского археологического комплекса образуют прямолинейный отрезок протяженностью около 7 километров с характерным для Сухоны в целом направлением на северо-северо-восток. Это определяет господство склонов юго-восточной и северо-западной экспозиций, что, в свою очередь, предопределяет получение левобережными склонами повышенного количества солнечной радиации и объясняет предпочтение населением левобережья с начальных этапов заселения Нижней Сухоны и до настоящего времени. Узкая (около 3 км в ширину) долина Сухоны врежется в поверхность плоских и волнистых моренных и озерно-ледниковых равнин на глубину более 50 метров. Водным потоком вскрыты пермские мергели и гли-

ны, выходящие из-под бортов долины и выстилающие речное русло притока. На левобережье р. Уфтьюги в д. Березовая Слободка (левый берег р. Сухоны) по результатам измерений выделяются 5 террас, возвышающихся на 4,5–6,5 м (86–90 м абс. высоты) (I), 9–12 м (91–96 м абс. высоты) (II), 20–24 м (III) (102–106 м абс. высоты), 34–36 м (IV) (116–118 м абс. высоты) и 42–44 м (V) (120–125 м абс. высоты) над урезом воды (82,5 м. абс. высоты). На правобережье Уфтьюги фрагмент третьей террасы левобережного склона долины Сухоны оказался изолирован от окружающего пространства водораздельных равнин ложбиной шириною 200 м с несколькими протоками, обособление которых, вероятнее всего, произошло в конце плейстоцена при спуске остаточного послеледникового озера.

Правобережные стоянки и поселения приурочены к различным элементам рельефа при останце третьей террасы. Останец имеет протяженность с северо-востока на юго-запад 600 м и ширину по поверхности 250–380 м, превышение над урезом воды в р. Сухоне составляет более 24–26 м. Поверхность останца по данным бурения сложена аллювиальными верхневалдайскими отложениями позднего периода [2]. Ложбина, отделяющая останец, переходит на западе и севере в задровую равнину, входящую в долинный комплекс р. Уфтьюги. Водораздел Уфтьюги и Сухоны в пределах исследованной территории с абсолютными отметками 133,6 м и 146 м сложен с поверхности мореной московского возраста, покрытой на возвышенных участках маломощным слоем водно-ледниковых песчаных отложений.

Стоянки эпохи мезолита (Березовая Слободка IV, IX, V) приурочены к восточной кромке останца третьей террасы на высоте 24–26 м над урезом воды (106–108 м абс. в.) и ее уступу на южном склоне останца на высоте 10–13 м (93–96 м абс. в.). Поселение эпохи неолита Березовая Слободка VI занимает край второй надпойменной террасы на высоте 8 м (91 м абс. в.) с юга от останца; поселение эпохи раннего железного века Березовая Слободка I расположено на первой надпойменной террасе (88–89 м абс. в.) севернее останца на стрелке между Сухоней и притоком. Многослойное поселение Березовая Слободка II–III, слои которого содержат находки от финального палеолита до раннего железного века, занимает участок второй надпойменной террасы реки на высоте 8–13 м над уровнем воды (91–96 м абс. в.) и примыкает к останцу с востока. Древнейшие слои памятника отложились на материковой поверхности, которая представляет собой уступ озерной террасы. Все археологические памятники располагаются вдоль бровки террасы и на склоне, спускающемся к Сухоне.

В соответствии с региональным районированием ключевой участок «Березовая Слободка» расположен на границе средне- и южнотажной природных под-

зон в Сухоно-Двинской ландшафтной области на юго-западной периферии Нижнесухонского ландшафтного района [3, с. 60]. В границах района доминируют ландшафты озерно-ледникового генезиса, в типичной таежной флоре имеет место примесь сибирских видов и широколиственных видов. Ландшафтные исследования ключевого участка в месте расположения Березовослободского АК, проведенные в 2014–2016 годах, показали, что разнообразие угодий и ресурсов зоны ближнего жизнеобеспечения древнего населения определялось сложностью морфологической структуры ландшафта, сформировавшегося на стыке долинно-склоновых комплексов Сухоны и впадающей в Сухону Уфтьюги. В морфологической структуре современных ландшафтов ключевого участка выделено 22 типа сложных урочищ (рис. 2). Геоморфологические особенности рельефа определили высокое биологическое разнообразие территории, отнесенной к подзоне южной тайги; обособленность участка обеспечивала безопасность жизнедеятельности, что определило притягательность его для древних поселенцев в различные археологические эпохи [4].

Генезис и структуру ландшафтов ключевого участка определяли геоморфологическая деятельность ледников и талых ледниковых вод. Наиболее существенными в процессе их формирования были следующие события. В предбореале вследствие всеобщего потепления и смягчения климата происходит коренная перестройка ландшафтов Русской равнины – переход от смешанного, гиперзонального типа к зональному [5]. На рассматриваемой территории устанавливается господство бореальных лесов. Изменения в климатический оптимум голоцена 6100–5400 л.н. способствовали увеличению разнообразия и усложнению структуры ландшафтов лесной зоны [6]. Перестройка главного материкового водораздела и трансформация гидрографической сети ландшафтов Сухонского бассейна, завершившаяся формированием современного русла Сухоны.

О времени окончательной перестройки бассейновой структуры Сухоны существуют различные мнения. Классической является точка зрения об окончательном формировании реки Сухоны на рубеже суббореала и субатлантики после прорыва Прасухоной прежнего водораздела, который пересекал современное русло Сухоны ниже с. Нюксеница. До прорыва сток на этом участке долины шел в юго-западном направлении в Сухонский приледниковый водоем, относящийся к Верхневолжской системе приледниковых озер. Эрозия в долине Прасухоны привела к быстрому спуску Сухонского озера и перестройке всей бассейновой структуры с перенаправлением стока на север и восток в Северную Двину и Северный Ледовитый океан [7, с. 73–75; 8]. Ряд исследователей связывает формирование речной структуры Нижней Сухоны с эволюцией приледниковых водоемов, существовавших в ранне- и поздневалдайское время при ледовых барьерах в долине Северной Двины [9]. Они полагают начало формирования реки с северо-восточным направлением стока в среднем валдае при деградации ранневалдайского ледника, не покрывавшего долину Нижней Сухоны. В позднем валдае ледниковая лопасть полностью перекрывала долину Северной Двины, западный ее фланг пересе-

кал низовья долины Сухоны ниже д. Опоки, восточный – верховья Вычегды. На стадии деградации Северодвинской ледниковой лопасти существовал Гамский подпрудный бассейн, отличавшийся непостоянством и неоднократной сменой гидродинамической обстановки, имели место кратковременные возобновления стока озерных вод на север. Абсолютные высоты береговых линий Гамского озерного бассейна располагаются в интервале: 100–110 м и фиксируют максимальные уровни Гамского бассейна. Максимальный возраст отложений, образующих поверхность гамской террасы, определен по остаткам древесины и старичного торфа на Средней Сухоне 14140–12860 ВР. Очевидно, с этого времени в Гамский бассейн был направлен сток из Верхнесухонского озера, распространенного в Присухонской низине, уровень которого резко снизился до 110 м абс. выс. в позднем дриасе (не позднее 12,8 тыс. л.н.). С исчезновением ледовой преграды в долине Северной Двины началось активное врезание русел рек в нижней части бассейна Сухоны. Из этого следует, что на определенном отрезке времени бассейн Нижней Сухоны мог быть связан с водосборным бассейном Камы, по долине которой осуществлялся сток приледниковых озер Северо-Востока Русской равнины в позднеледниковье [10, с. 175–179].

Высота останца в правобережье Уфтьюги соответствует максимальному уровню гамских террас. Время наиболее раннего освоения ландшафтов Березовослободского комплекса по археологическим данным около 11 тыс. л. н. (не калиброванных) увязывается со спуском вод Гамского бассейна. Время формирования речной структуры Нижней Сухоны уточняют палеогеографические и археологические данные, полученные в ходе комплексного изучения отложений на поселении Березовая Слободка II–III.

Поселение Березовая Слободка II–III расположено на левом берегу реки Сухоны при впадении в нее р. Уфтьюги и является центральным в Березовослободском археологическом комплексе. Оно занимает склон надпойменной террасы левого берега Сухоны в 750 метрах к югу от одноименной деревни. На памятнике представлены слои от эпохи финального палеолита до раннего железного века. Древние культурные слои приурочены к глинистым отложениям, сформировавшимся на побережье приледникового водоема. Формирование надпойменной террасы реки, на которой впоследствии отложились слои эпохи неолита – бронзы, приуроченные к супесчаным отложениям, началось на рубеже пребореала – бореала. Объекты раннего железного века приурочены к почвенному горизонту. Геохимические исследования аллювиально-почвенных отложений, вмещающих культурные слои памятника позволили охарактеризовать климатические условия формирования культурных горизонтов и сделать выводы о периодах формирования речных террас. Радиоуглеродные определения для объектов различных культурных слоев – выделить этапы освоения древних ландшафтов Березовослободского археологического комплекса.

Участок расположения поселения Березовая Слободка II–III начал осваиваться не позднее рубежа XII–XI тыс. до н.э. с ровной площадки в южной части памятника, примыкавшей к ручью-оврагу (рис. 3).

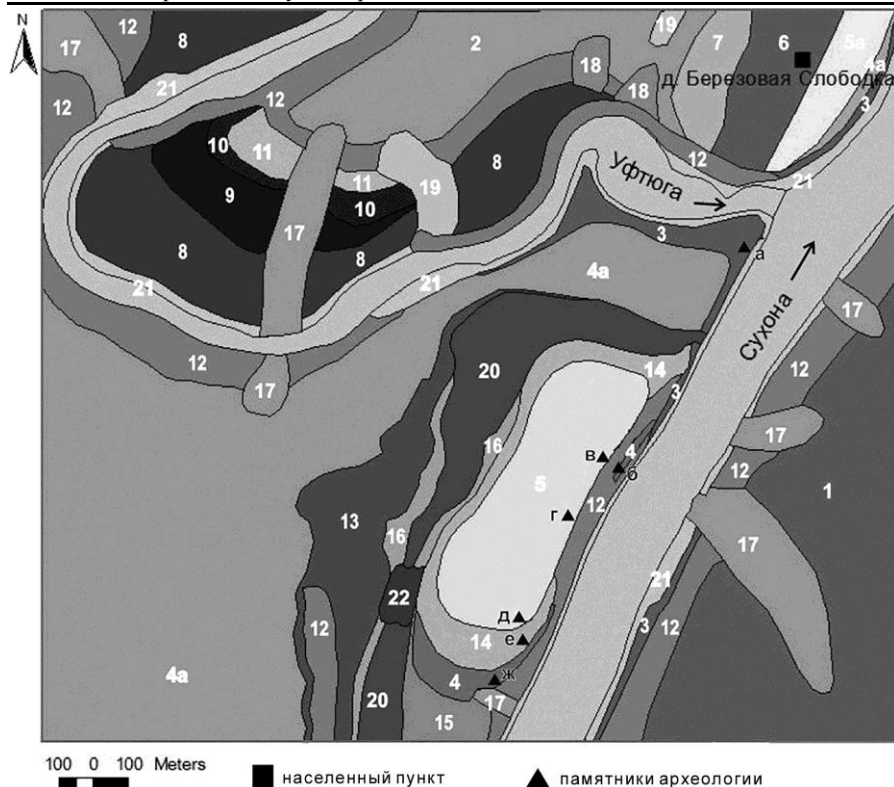

Рисунок 2 – Ландшафтная карта ключевого участка «Березовая Слободка» на Нижней Сухоне:

Памятники археологии:

а – поселение ржв Березовая Слободка-I, *б* – многослойное поселение Березовая Слободка II–III; стоянки эпохи мезолита: *в* – Березовая Слободка IV, *г* – Березовая Слободка VIII, *д* – Березовая Слободка IX, *е* – Березовая Слободка V; *ж* – поселение эпохи неолита Березовая Слободка VI.

Урочища моренных равнин:

1 – плоской и волнистой моренной равнины с сосняками и ельниками зеленомошными (черничными, брусничными) на подзолистых супесчаных и легкосуглинистых почвах на моренных отложениях.

Урочища водно-ледниковых равнин:

зандровой равнины:

2 – волнистой зандровой равнины с пашенными суходольными крупнозлаковыми и крупнораз-

нотравными лугами нормального увлажнения, местами с мелколиственными лесами на дерновых и дерново-слабоподзолистых легкосуглинистых почвах на водно-ледниковых отложениях;

речных террас: *3* – речной террасы (первой надпойменной террасы реки Сухоны) с низинными крупноразнотравными лугами, кустарниками и мелколиственными лесами на дерновых и дерново-слабоподзолистых легкосуглинистых и супесчаных почвах на водно-ледниковых отложениях; *4* – речной террасы (второй надпойменной террасы реки Сухоны) с сосняками и сосняками-березняками зеленомошными на дерново-слабоподзолистых и подзолистых супесчаных почвах на водно-ледниковых отложениях; *4а* – речной террасы (второй надпойменной террасы реки Сухоны), преобразованной в результате селитебной и хозяйственной деятельности человека, на водно-ледниковых отложениях; *5* – речной террасы (третьей надпойменной террасы реки Сухоны) с сосняками, местами с ельниками зеленомошными (черничными, брусничными) на подзолистых супесчаных почвах на водно-ледниковых отложениях, местами подстилаемыми мореной; *5а* – речной террасы (третьей надпойменной террасы реки Сухоны), преобразованной в результате селитебной и хозяйственной деятельности человека, на водно-ледниковых отложениях; *6* – речной террасы (четвертой надпойменной террасы реки Сухоны), преобразованной в результате селитебной и хозяйственной деятельности человека, на водно-ледниковых отложениях; *7* – речной террасы (пятой надпойменной террасы реки Сухоны) с суходольными крупнозлаково-крупноразнотравными лугами нормального увлажнения на дерновых легкосуглинистых почвах на водно-ледниковых отложениях; *8* – речной террасы (первой надпойменной террасы реки Уфтьюги) с суходольными мелкозлаковыми и мелкозлаковыми лугами на дерновых легкосуглинистых почвах на водно-ледниковых отложениях; *9* – речной террасы (второй надпойменной террасы реки Уфтьюги) с суходольными мелкозлаковыми и мелкозлаковыми лугами на дерновых легкосуглинистых почвах на водно-ледниковых отложениях; *10* – речной террасы (третьей надпойменной террасы реки Уфтьюги) с сосняками-ельниками зеленомошными (черничными, кисличными) на дерново-подзолистых и подзолистых супесчаных и легкосуглинистых почвах на водно-ледниковых отложениях; *11* – речной террасы (четвертой надпойменной террасы реки Уфтьюги) с сосняками и сосняками-ельниками зеленомошными (черничными, кисличными) на дерново-подзолистых и подзолистых супесчаных почвах на водно-ледниковых отложениях;

склоновые: *12* – эрозионных склонов и уступов крутизной до 30° и более с кустарниками, сосняками и ельниками зеленомошными (черничными, брусничными) и ельниками-березняками разнотравными на дерново-слабоподзолистых и подзолистых супесчаных почвах на водно-ледниковых отложениях, местами с выходами коренных пород (пермских мергелей); *13* – покато- и крутосклоновые с сосняками, ельниками и сосняками-березняками зеленомошными на дерново-слабоподзолистых и подзолистых легкосуглинистых и супесчаных почвах на водно-ледниковых отложениях; *14* – покато- и крутосклоновые с сосняками и сосняками-березняками зеленомошными на дерново-слабоподзолистых и слабоподзолистых супесчаных почвах на водно-ледниковых отложениях, местами на морене (в нижней части крутых склонов); *15* – покато- и крутосклоновые с сосняками и сосняками-березняками зеленомошными на дерново-подзолистых и подзолистых супесчаных почвах на водно-ледниковых отложениях; *16* – пологосклоновые с ельниками и ельниками-березняками зеленомошными на торфянисто-, торфяно-глеевых и торфяных почвах на озерно-ледниковых отложениях;

ложбин: *17* – ложбин с сосняками, ельниками, березняками сложными на слабоподзолистых супесчаных и легкосуглинистых почвах на водно-ледниковых отложениях; *18* – ложбин с мелколиственными лесами, преимущественно сероольшаниками травяными на дерновых легкосуглинистых почвах на водно-ледниковых отложениях; *19* – ложбин с мокрыми крупноразнотравными лугами на дерновых, часто оторфованных, легкосуглинистых почвах на озерно-ледниковых отложениях; *20* – ложбин с мелколиственными лесами, преимущественно березняками болотно-травяными, на дерново-подзолистых глееватых легкосуглинистых, торфянисто-, торфяно-глеевых и торфяных почвах на озерно-ледниковых отложениях.

Урочища флювиальные: *21* – низкой и высокой поймы с бечевником с крупноразнотравной растительностью на каменистом грунте и крупноразнотравными, крупноразнотравно-крупнозлаковыми лугами сезонно-избыточного увлажнения, местами зарастающей кустарниками, на дерновых глееватых супесчаных и легкосуглинистых почвах на аллювиальных отложениях.

Урочища болотные: *22* – сфагнового болота на торфяно-глеевых и торфяных почвах

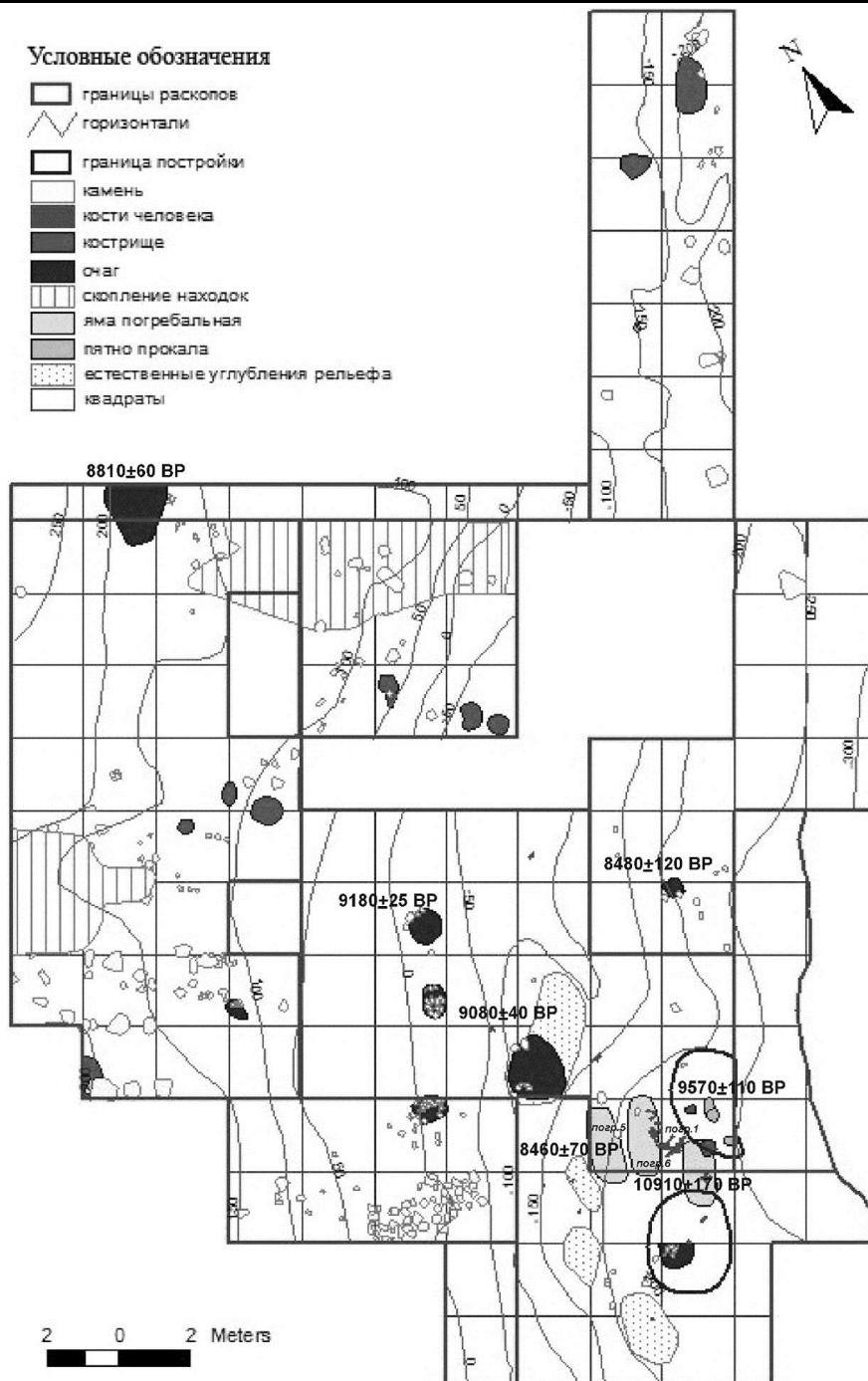

Рисунок 3 – Поселение березовая Слободка II–III. Объекты финального палеолита-мезолита. План

Уступ озерной террасы на высоте 90–91 м. абс. высоты ограничен с запада и севера углублениями материковой поверхности, в части которых были совершены погребения. Дата погребения 6 по кости 10910±170 (SPb-1693) BP или 11037–10750 – 11183–10595 cal BC. Слой интенсивно-темной глины в прибрежной части памятника отложился на желтой материковой глине, сформировавшейся в период существования приледникового озера, в которой, по данным геохимического анализа, наблюдается антропогенное воздействие [11].

Фаунистические остатки, обнаруженные в слое: бобр, лось и лошадь – свидетельствуют о времени перестройки экосистемы с одной стороны и о достаточно мозаичном характере окружающей территории, характерном для дриасового времени [12]. Палеогеографические реконструкции для позднего дриаса показывают, что эта холодная эпоха характери-

зовалась высокой динамичностью развития ландшафтов и крайней степенью их комплексности. На Русской равнине темновойные лесные ценозы аллередского потепления сменились перигляциальными лесостепями [13, с. 12]. Перигляциальный характер растительности в нижнем уровне разреза культурных слоев памятника подтверждает и спорово-пыльцевой анализ [14]. На уступе второй озерной террасы в диапазоне 93 м. абс. высоты слой финального палеолита оказался оползшим, что связано с формированием русла реки Сухоны. Процесс формирования русла продолжается и в пребореальное время, когда в прибрежной части памятника возникают две небольшие постройки (90,8 м абс. высоты) с кремнеобработкой мезолитического облика, дата для кострища одной из них по берестяной емкости с костями животных 9570±110 BP (JE 6704) или 9160–8600 – 9250–8600 cal BC.

В первой половине бореала мезолитическим населением активно осваивается центральная часть участка. Материковая поверхность здесь представлена на галечным горизонтом с включением окатанных булыжников, покрывающих озерную террасу, понижающуюся к руслу современной реки уступами с перепадом высот до 4 м. Объекты с датами по углю из очага – 9180 ± 25 BP (JE 6708) или $8450\text{--}8350$ BC $8480\text{--}8280$ cal BC и берестяной емкости с костями животных 9080 (JE-6709) или $8300\text{--}8240$ – $8430\text{--}8230$ cal BC располагаются в интервале 91–92 м абс. высоты. Формирование слоя происходит в пойменной части русла реки. У основания третьей террасы объекты с мезолитическим инвентарем: скопление материала/жилище? и производственный комплекс с датой из очага 8810 ± 60 BP (JE 4694) или $7944\text{--}7710$ – $8006\text{--}7634$ cal BC приурочены к песчано-гравийным эрозионного происхождения отложениям и располагаются в диапазоне 94–95 м абс. высоты. С этим периодом также связано совершение ряда погребений, одно из которых (погребение 5), датированное по костям человека: 8582 ± 100 (SPb-1690) или $7737\text{--}7532$ – $7954\text{--}7459$ cal BC и 8612 ± 100 (SPb-1689) BP или $7752\text{--}7542$ – $7967\text{--}7482$ cal BC, совершено во второй половине бореала.

В конце бореального-начале атлантического периода в условиях слабопроточного водоема с нестабильным гидрологическим режимом происходит накопление отложений относительно стерильного горизонта светло-коричневой супеси, мощность которого достигает 0,4 м и 1,1 м в южной и прибрежной частях памятника соответственно. Периоды стабилизации и почвообразования в этот период маркированы кострищем с датой по углю 8480 ± 120 (JE-5695) или $7580\text{--}7310$ – $7870\text{--}7090$ cal BC и кострищем в жилище с датой по углю 7840 ± 75 BP (JE-6706) или $6900\text{--}6870$ – $7050\text{--}6450$ cal BC, расположенных в диапазоне 90–91 м абс. высоты современного рельефа.

В первой половине – середине атлантикума нестабильные условия с колебаниями влажных-теплых и сухих-холодных периодов препятствуют постоянному проживанию населения. В периоды потепления здесь последовательно появляются носители накольчатой, неорнаментированной и гребенчатой керамики. Хронологические маркеры теплых периодов – даты объектов неолитического слоя: очага и кострища ($91,6$ м абс. высоты) с накольчатой керамикой 7340 ± 200 BP или $6599\text{--}5811$ cal BC и 7340 ± 90 BP (JE-6707) или $6399\text{--}6034$ cal BC и кострища ($90,5$ м абс. высоты) с керамической крошкой 7280 ± 90 BP (JE-6705) или $6230\text{--}6060$ – $6270\text{--}5980$ cal BC.

В середине атлантикума на ровной площадке $92,8$ м абс. высоты возводят жилище [15], дата по неорнаментированной керамике из жилища 6210 ± 80 (Ki-16392a) или $5339\text{--}4948$ cal BC.

Стабилизация гидрологического режима водоема происходит во второй половине атлантикума. Культурный слой с находками ямочно-гребенчатой керамики середины – второй половины IV тыс. до н.э. [16] и последующих эпох формируется на террасе реки в результате усиления процессов выветривания и элювиальных процессов в условиях перехода к влажному и прохладному климату. По-видимому, с этого времени устанавливается регулярная связь по

реке Сухоне через ее верховья с территориями Верхнего Поволжья, Приуральем и Средним Поволжьем через притоки в низовьях реки.

Выполаживание поверхности позволяет населенникам эксплуатировать весь участок надпойменной террасы. Стоянки энеолита с пористой накольчатой и гребенчатой посудой, аналогии которой прослеживаются на памятниках Северо-Восточного Приуралья, занимают прирусловую часть террасы, там же располагалась стоянка балановцев. В первой половине – середине II тыс. до н.э. надпойменная терраса стала местом длительного обитания населения культуры ранней сетчатой керамики [17]. В раннем железном веке время возобновления использования участка приходится на период с VI по II века до н.э. населением, освоившим обработку цветного металла и производство железа. Производственный инвентарь и готовая продукция указывают на связи этого населения с Прикамьем [18]. Дата по углю из кострища с фрагментом сетчатого сосуда с остатками железной крицы на внутренней части стенки 2100 ± 30 BP (JE – 6712) или $170\text{--}90$ Cal BC, по-видимому, реперная для последнего этапа хозяйственного освоения участка в голоцене.

Таким образом, можно полагать, что территория памятника осваивалась населением позднего ледникового – раннего голоцена в зависимости от гидродинамики водоема, возможность сообщения по которому определяла направление культурных и миграционных связей древнего населения.

С поздним средневековьем связаны находки на поверхности останца – наконечник стрелы и остатки заклепок от ремня, принадлежавшие, вероятно, легендарным «разбойникам», грабившим проплывающие мимо переката суда на заре становления современной деревни. Самое раннее упоминание деревни Березовая Слободка содержится в Писцовой книге Тотемского уезда за 1523 год. В ней говорится, что поселение состояло из одного посада и было сожжено купцами в наказание за грабежи судов жителями этого селения. В недалеком прошлом останец использовался в хозяйственных целях, по склону и бровке третьей террасы проходит «старая тотемская» дорога, соединявшая и сельскохозяйственные угодья – сенокосы по пути ее следования. А высокий светлый бор на северной оконечности останца использовался колхозниками как рекреационная зона, где в праздники ставили столы для всеобщего гулянья. До сих пор у местных этот участок называется «кладовица» то ли в память о существовавших здесь ранее первопоселенцах, то ли из-за необыкновенной красоты места, выделяющегося на фоне современного рельефа и притягательного своей необычностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Праслов Н.Д., Недомолкина Н.Г., Желтова М.Н. Древнейшее заселение Вологодского края // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Том I / под ред. И.Н. Черных. Тверь: Изд-во ООО «Триада», 2011. С. 48–56.
2. Гей В.П., Курбатова Н.Г., Бителева Н.Г. Отчет о групповой комплексной геолого-гидрологической съемке масштаба 1:2000000 бассейна среднего течения р. Сухоны Вологодской области (1972–1977 гг.) // Материалы тотемского отряда вологодской партии

ленинградской комплексной геологической экспедиции. (Архив Вологодского геологического управления). В 2-х томах. Т. 1. Кн. 1. Л., 1977.

3. Атлас Вологодской области / гл. ред. Е.А. Скупинова. СПб.: ФГУП Аэрогеодезия; Череповец: Порт-Апрель, 2007. С. 61.

4. Иванищева М.В., Иванищева Е.А., Соколова Е.Н. Генезис и структура ландшафтов зоны ближнего жизнеобеспечения древнего населения в бассейне Нижней Сухоны // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сб. науч. тр. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. 31 декабря 2014 г.: в 6 ч. / под общ. ред. М.Г. Петровой. Белгород: ИП Петрова М.Г., 2015. Часть IV. С. 64–72.

5. Низовцев В.А. Голоценовая история ландшафтов бассейнов малых рек лесной зоны Русской равнины // Эколого-географические исследования в речных бассейнах: мат-лы третьей междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.И. Шмыков. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 3–4.

6. Глушанкова Н.И. Эволюция ландшафтов Восточно-Европейской равнины в плейстоцене // Проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена. Вып. 2: сб. научных трудов / под ред. Н.С. Болиховской, П.А. Каплина. М.: Географический факультет МГУ, 2008. С. 65–83.

7. Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука, 1975. 278 с.

8. Гей В.П. История развития крупных озер с конца среднего неоплейстоцена до голоцена на территории Вологодской и смежных областей // Проблемы стратиграфии четвертичных отложений и краевые ледниковые образования Вологодского региона (северо-запада России): мат-лы междунар. симпозиума. М.: ГЕОС, 2000. С. 65–70.

9. Кичигин А.Н., Борсук О.А. Роль покровных оледенений в формировании долины Сухоны в позднем плейстоцене и в голоцене // Эколого-географические исследования в речных бассейнах: мат-лы третьей междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 15–17 октября 2009 г.) / отв. ред. В.И. Шмыков. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 48–51.

10. Лавров А.С., Потапенко М.Л. Неоплейстоцен северо-востока Русской равнины. М.: Аэрогеология, 2005. 220 с.

11. Кулькова М.А., Иванищева М.В., Солдатенкова А.Д. Геоархеологические аспекты формирования памятника мезолита–раннего железного века Березо-

вая Слободка II–III в долине р. Сухоны // Геология, геоэкология, эволюционная география: коллективная монография. Том XIV / под ред. Е.М. Нестерова, В.А. Снытко, В.З. Кантора. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. С. 221–226.

12. Лисицин С.Н. Климатическая перестройка на рубеже палеолита и мезолита как фактор культурогенеза на северо-западе Восточной Европы // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 56–66.

13. Борисова О.А. Растительность и климат позднего дриаса внетропической области Северного полушария: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1992. 20 с.

14. Иванищева М.В., [Канин М.В.], Козак Е.В., Андрианова Л.С., Кулькова М.А., Сапелко Т.В., Соколова Е.Н., Иванищева Е.А., Иванищева А.А. Верхний палеолит на Нижней Сухоне // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь 9–12 февр. 2016 г.). Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь: ПГНИУ, 2016. С. 71–80.

15. Иванищева М.В. Ранний неолит Нижнего Посухонья // Археология: история и перспективы. Вып. 2. Ярославль: Рыбинский печатный дом, 2006. С. 85–105.

16. Недомолкина Н.Г., Иванищева М.В. Бассейн реки Сухоны в развитом неолите // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: общественные и гуманитарные науки. № 1 (146). Февраль, 2015. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. С. 12–18.

17. Андрианова Л.С., Иванищева М.В. Сетчатая керамика поселения Березовая Слободка II–III на Нижней Сухоне // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 324–332.

18. Иванищева М.В. Комплексы эпохи бронзы и раннего железного века поселения Березовая Слободка II–III // Археология Севера. Вып. 1. Сб. докл. конф. «Археология Вологодской области»: чтения, посвященные памяти череповецкого краеведа, археолога Сергея Еремеева. Череповец: ЧерМО, 2005. С. 31–41.

COMPLEX STUDIES OF THE TERRITORY OF THE BEREZOVOSLOBODSKY ARCHAEOLOGICAL COMPLEX ON THE LOWER SUKHONA

© 2017

Ivanistcheva Marina Viktorovna, researcher

Institution of culture «Vologda Restoration» (Vologda, Russian Federation)

Kulkova Marianna Alekseevna, candidate of geological and mineralogical sciences,
associate professor of Geography Department

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation)

Ivanistcheva Elizaveta Aleksandrovna, candidate of biological sciences,
associate professor of Geography Department

Vologda State University (Vologda, Russian Federation)

Abstract. The following paper deals with complex studies of the compact location of archaeological sites, including various sites and settlements in the key area of Beryozovaya Slobodka in the Lower Sukhona basin (eastern part of the Vologda region). In the course of landscape studies, the geomorphology of the site was refined, the confinement of the different parking places to various relief elements and the priority factors of ancient settlement prefer-

ences were determined. Landscape studies of the ancient population life support zone showed that relatively safe location and provision of the ancient population by various economic lands and natural resources were determined by the complexity and high diversity of the landscape structure formed at the junction of the valley-slope complexes of the Sukhona and the Uftyuga flowing into the Sukhona. Geochemical studies of alluvial-soil sediments in the multi-layered settlement of Berzovaya Slobodka II–III, containing cultural layers from the era of the final Paleolithic to the early Iron Age, made it possible to characterize the climatic conditions for the formation of cultural horizons, to estimate the periods of ancient anthropogenic influence and draw conclusions about the character of the reservoir and the periods of the river terraces formation.

Keywords: complex of archaeological sites; Lower Sukhona; landscape structure; multi-layer settlement Berzovaya Slobodka II–III; final Paleolithic; Mesolithic; Neolithic; Eneolithic; Bronze Age; Early Iron Age; Geochemistry of cultural deposits; archaeological objects and complexes; radiocarbon dating; hydrodynamics of reservoir; stages of development; late Pleistocene-Holocene; vectors of constraints.

УДК 902.01

Статья поступила в редакцию 15.04.2017

КУЛЬТУРЫ И ЛАНДШАФТЫ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ В РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ

© 2017

Лычагина Евгения Леонидовна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры древней и средневековой истории России

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация)

Зарецкая Наталия Евгеньевна, кандидат геолого-минералогических наук,
старший научный сотрудник лаборатории геохимии изотопов и геохронологии

Геологический институт РАН (г. Москва, Российская Федерация)

Чернов Алексей Владимирович, доктор географических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории эрозии почв и русловых процессов
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация)

Демаков Денис Александрович, магистрант кафедры древней и средневековой истории России
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация)

Митрошин Евгений Николаевич, старший инженер отдела истории, археологии и этнографии
Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь, Российская Федерация)

Аннотация. В статье дается характеристика ландшафтов, сформировавшихся в бассейне Верхней Камы в раннем голоцене. Речь идет о первых надпойменных террасах и самых древних пойменных генерациях. В бассейне Верхней Камы известно 35 мезолитических памятников. В ходе картографирования района исследований было выделено 3 участка с большой концентрацией мезолитических памятников и участок, где раннеголоценовые стоянки неизвестны. К первой группе относятся: район Верхней Камы около д. Лёкмартово и д. Казанцево, старичное образование Чашкинское озеро и нижнее течение р. Косы. Ко второй – Верхняя Кама в пределах Гайнского и Косинского районов Пермского края.

Анализ мест расположения мезолитических памятников показал наличие зависимости от сформировавшихся первых террас и наиболее древних пойм крупных водных артерий. В то же время эту зависимость не стоит преувеличивать, т.к. зачастую люди селились не непосредственно на берегу крупной реки, а на определенном расстоянии – на более мелких речках и ручьях. Поэтому перспективным будет являться поиск новых мезолитических памятников в отдалении от больших рек, рядом с маленькими речками или ручейками.

Ключевые слова: Верхнее Прикамье; мезолит; археологический памятник; палеорусловый анализ; пойменная генерация; надпойменная терраса; коренной берег; радиоуглеродный анализ; голоцен; кратковременная стоянка; стоянка-мастерская; базовый лагерь.

Под Верхним Прикамьем мы понимаем бассейн рек Камы в её верхнем течении, Вишеры, Колвы и Косы в пределах северной части Пермского края и Коми-Пермяцкого округа. Этот регион стал объектом исследований в силу того, что он в меньшей степени оказался подвергнут изменениям, связанным со строительством крупных ГЭС и водохранилищ в советское время. Южной границей района исследования является территория Усольского района, в пределах которого находится верхний бьеф Камского водохранилища (рис. 1).

Период перехода от позднеледниковья к голоцену и сам голоцен в исследуемом районе характеризовались заметными изменениями природных ландшафтов, что отразилось на изменении речного стока и конфигурации русла р. Камы, а вслед за этим – появлением и дальнейшей миграцией мезолитического

населения. Именно в позднеледниковье реки региона, и в первую очередь – Кама, испытали заметное врезание, вследствие чего поверхность нынешней первой террасы перестала затопливаться полыми водами. Менялась и конфигурация русла Камы и ее притоков, образуя наряду с быстротоками участки «спокойной» воды [1, с. 110]. Препятствия к заселению ровной, близкой к реке и относительно невысокой поверхности исчезли, что повлияло на особенности расселения древнего человека в мезолите.

В бассейне Верхней Камы известно 35 мезолитических памятников [2]. Большинство находится на берегах р. Камы либо ее притоков. Часть памятников располагается по берегам старичных озер. Они тоже формировались как прибрежные, т.к. во время их основания нынешние старицы являлись основными руслами рек.